

Проблемы и вопросы теории государства и права, конституционного и административного права

УДК 342.727+351.751
ББК Х407+Х405.1

DOI: 10.14529/law180111

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Л. М. Большаков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье автор рассматривает возможные пределы ограничения конституционного права граждан на свободу слова с целью защиты конституционного строя государства, анализирует нововведения и изменения в законодательстве РФ, ограничивающем свободу слова, и оценивает их влияние на общественную и политическую жизнь, развитие гражданского общества и деятельность средств массовой информации. Автор исследует понятие экстремизма и диспозиции антиэкстремистских статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а так же связанные с ними составы административных правонарушений.

Ключевые слова: свобода слова, экстремизм, конституционные права, конституционный строй, Интернет, средства массовой информации.

Быстрое развитие Интернета в целом и социальных сетей в частности позволило множеству людей высказываться публично, не выходя при этом из собственного жилища. Эта возможность обострила проблему обозначения пределов свободы слова и вызвало острую реакцию государства. С 1 февраля 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который позволяет Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзору) по требованию Генеральной прокуратуры РФ производить незамедлительную блокировку сайтов, распространяющих призывы к массовым беспорядкам и с другой экстремистской информацией. Решение суда при этом не требуется.

Многие правозащитники осудили законопроект, считая, что он может стать инструментом для цензуры в российском сегменте Интернета. Совет по правам человека при президенте РФ в середине декабря 2013 года заявил, что в случае

принятия документ серьезно ограничит конституционные права и свободы граждан [5]. Озабоченность вызывает внесудебный характер ограничения свободы слова. Судебный контроль всегда являлся важнейшей гарантией конституционных прав граждан и их защиты от неправомерных и необоснованных посягательств. На практике правовой режим, установленный вышеуказанным законом, предусматривает блокировку сайта по единоличному решению надзорных органов, без проведения каких-либо экспертиз и оценочных мероприятий, после которого уже сам владелец сайта может обратиться в суд для оспаривания данного решения.

При этом не понятно, на чем должен основываться надзорный орган при вынесении решения, а это означает субъективность выводов о противоправности размещенного контента. Складывается ситуация, при которой граждане, попавшие под ограничение их конституционного права на свободу слова путем блокировки принадлежащих им сайтов, обязаны доказывать свою невиновность, что идет в разрез с важным конституционным принципом презумпции невиновности.

Не менее значимой ответной тенденцией на расширение возможностей граждан по реализации своих прав на свободу слова стало увеличение в три раза за последнее время осужденных по ст. 282 Уголовного кодекса РФ [6]. Такую статистику приводит Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР).

Для составления доклада «Борьба с экстремизмом в современной России: правоприменительная практика» эксперты ЦЭПР опирались на статистику Судебного департамента при Верховном Суде РФ. По их подсчетам, с 2011 года резко выросло число осужденных по самой массовой антиэкстремистской ст. 282 УК РФ и трем ее пунктам (возбуждение ненависти), со 137 до 414 человек. В первую очередь растет число осужденных по ч. 1 этой статьи (возбуждение ненависти либо вражды <...>, совершенное с использованием Интернета). Если в 2011 году было 82 таких осужденных, то в 2015-м – уже 369. Еще более серьезно выросло число осужденных по ст. 280 и 280-1 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и сепаратизму) – с 12 до 69 человек. В 2015 году также увеличилось количество тех, кого осудили по ч. 2 ст. 280 УК РФ (те же действия с использованием СМИ и Интернета). В 2014 году подобных дел было всего четыре, а в 2015-м – уже 19 [6].

Одной из важных проблем является диспозиция ст. 282 УК РФ, она составлена таким образом, что не дает правоприменителю никаких намеков на то, что конкретно следует понимать под объективной стороной преступления. В свою очередь «размытость» формулировок приводит к тому, что трактовка этого состава со стороны правоприменителя может быть либо чрезвычайно узкой, фактически нивелирующей юридический смысл этой нормы, либо чрезвычайно широкой, позволяющей привлечь к уголовной ответственности за любую критику в чей-либо адрес. Политическая конъюнктура и «палочная система» заставляют правоприменителя идти по второму пути, что естественным образом негативно сказывается на реализации конституционного права граждан на свободу слова и позволяет при желании оказывать воздействие на неугодные общественные

организации, политических активистов, СМИ и отдельных журналистов. Данной статье изрядно добавляет возможности расширительного толкования и использованный в ней термин «социальная группа». Он не имеет никакого конкретного правового смысла. А. Кибальник и И. Соломоненко считают, что отсутствие четких правовых признаков какой-либо социальной группы размывает границы применения уголовной ответственности [3, с. 23]. В этом мнении их поддерживает и профессор А. В. Наумов, отмечающий, что подобная ситуация плодит беззаконие и произвол правоприменителя и искусственно увеличивает количество мнимых экстремистских преступлений, в действительности не являющихся таковыми [4, с. 97–100].

Аналогичная ситуация и со ст. 280 УК РФ, которая криминализирует публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В науке уголовного права призыв означает обращение к гражданам или организациям в устной, письменной или изобразительной (наглядно-демонстрационной) форме, в том числе с использованием технических средств, в котором выражено стремление оказать объединяющее и направляющее воздействие на сознание, волю и поведение людей, побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Понятие «экстремизм» сформулировано в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который проясняет и расширяет диспозиции взаимосвязанных между собой ст. 280 и 282 Уголовного кодекса РФ. Но формулировки закона настолько обтекаемы, что под них могут попадать любые критические замечания. Определение экстремизма в законе не связывается с политологическими значениями слова «экстремизм», хотя происхождение его именно политическое, и юридическая норма должна считаться с политической наукой. Более того, определение не содержит каких-то общих признаков экстремистских действий, оно лишь перечисляет различные деяния без указания на их конкретные признаки. Все виды экстремистской деятельности прямо или косвенно применимы к реализации свободы слова в сети Интернет. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (далее –

ЕКРН) Совета Европы неоднократно призывала пересмотреть определение экстремизма в законе о противодействии экстремистской деятельности для обеспечения того, чтобы оно распространялось лишь на серьезные случаи, связанные с ненавистью и насилием. По мнению ЕКРН, в законе необходимо также «четко изложить те критерии, которые должны соблюдаться для того, чтобы объявить какой-либо материал экстремистским» [1]. В заключение отмечается, что с момента последнего доклада комиссии в федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности вносился ряд поправок, но «не было сделано ни одного изменения, касающегося вопросов, поставленных в рекомендации» [1].

Кодекс РФ об административных правонарушениях также включает в себя статьи, которые можно отнести к публичным экстремистским действиям, в том числе и в Интернете. Предусмотренное ст. 29.29 КоАП РФ «массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения» влекут для физических лиц административный штраф от одной до трех тыс. рублей либо административный арест до 15 суток, причем с конфискацией указанных материалов и оборудования. При этом возникает проблема – в каком случае деяние квалифицируется по административной статье, а в каком – по подходящей по содержанию уголовной (из перечисленных выше).

Ответ дает Верховный Суд РФ: «Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, или административным правонарушением (статья 20.29 КоАП РФ), должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г.). На практике этот ответ означает, что правоохранительные органы могут заподозрить наличие мотива ненависти или не заподозрить, что опять же расширяет возможности для злоупот-

реблений.

Статья 20.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрацию нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами. Наказание для физических лиц – штраф от одной до двух тысяч рублей либо административный арест до 15 суток. Вторая часть относится уже к производству и торговле той же символикой.

Важно отметить, что «демонстрация» в этой формулировке не увязывается напрямую с целью пропаганды, поэтому известно множество случаев административных наказаний за изображение свастики и иных нацистских и фашистских символов явно без пропаганды нацистских идей и, более того, даже в целях антипропаганды. Этот вопрос только в 2014 году несколько раз рассматривался Конституционным Судом РФ, который подтвердил, что закон запрещает любое изображение этих символов вне зависимости от контекста (Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мурашова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Российская Федерация не одинока в стремлении ужесточить контроль за Интернетом. Террористическая угроза побуждает многие страны к принятию законодательства, которое может негативно влиять на свободу выражения собственного мнения. Законы США, известные как PATRIOT Act, были приняты в октябре 2001 года после террористических актов 11 сентября 2001 г. В соответствии с PATRIOT Act Федеральное бюро расследований имеет право потребовать от

провайдеров представлять информацию в обход процедур судебного надзора просто по предъявлению им «циркуляра национальной безопасности» (NSL). Для выдачи NSL не требуется ни судебного решения, ни конкретных оснований для подозрений, ни подтверждения срочной необходимости.

Террористическая угроза, безусловно, является серьезной проблемой современного общества, но далеко не все методы борьбы с ней допустимы и эффективны. Цивилизованные нормы, регулирующие правоотношения в сети Интернет, нужны, если только они не превращают сеть в подконтрольное и цензурированное пространство. Досудебная блокировка любых сайтов, в том числе и СМИ, по крайне расплывчатым правовым основаниям грозит стать заслоном не столько для экстремизма, сколько для свободы выражения мнений. В. Д. Зорькин указывает, что закон должен предусматривать не возможность умаления прав и свобод, а их ограничение, то есть законное определение конкретных границ, пределов их осуществления. Ограничения не могут посягать на само существо права. В противном случае это будет не ограничение, а уничтожение прав, что недопустимо. Ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции РФ, заложенных в ней принципов соразмерности. Без выполнения этих условий верховенство права невозможно [2, с. 73].

Государство в лице правоохранительных и контролирующих органов должно иметь веские и конкретные основания для ограничения конституционных прав и свобод. Только четко сформулированные и не допускающие расширительного толкования нормы могут быть гарантией обоснованности правовых ограничений. Блокирование доступа к каким-либо интернет-ресурсам должно осуществляться исключительно на основании судебных решений, по аналогии с прослушиванием телефонных переговоров, контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, производством обыска и т.д. Диспозиции антиэкстремистских статей необходимо скорректировать, исключив возможность их расширительного

толкования. Понятийно-категориальный аппарат законодательства, термины «экстремизм» и «социальная группа» должны быть сформулированы с научной точностью, с учетом мнения не только юристов, но и исследователей-политологов, социологов и историков, так как они относятся в первую очередь к этим наукам.

На наш взгляд, под призывами к экстремистской деятельности следует понимать только призывы к прямым насильственным действиям, угрожающим безопасности граждан. Гражданскому обществу и государству необходимо совместно выработать баланс между защитой политических прав граждан и охраной основ конституционного строя, без которого нормальное функционирование политической системы невозможно.

Литература

1. Европа повторно призвала Россию пересмотреть определение экстремизма // Электронное периодическое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/06/07/643889-evropa-prizvala-peresmotret-opredelenie-ekstremizma>.
2. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 720 с.
3. Кибальник, А. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона / А. Кибальник, Н. Соломоненко // Законность. – 2008. – № 4. – С. 21–23.
4. Наумов, А. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями на почве расовой, национальной, религиозной и иной ненависти в США: опыт законодательства и правоприменительных органов (сравнительно-правовое исследование) / А. В. Наумов // Общество и право. – 2009. – № 4. – С. 97–100.
5. Путин подписал закон о внесудебной блокировке экстремистских сайтов // Сетевое издание KM.RU. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/30/vladimir-putin/729095-putin-podpisal-zakon-o-vnesudebnoi-blokirovke-ekstremistsk>.
6. Экстремизм до степени смешения // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml.

Большаков Лев Михайлович – аспирант кафедры теории государства и права, конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: levbolshakov74@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2017 г.

DOI: 10.14529/law180111

LIMITS OF SPEECH FREEDOM RESTRICTION FOR THE PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM

L. M. Bolshakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the possible limits of restricting constitutional civil right to freedom of speech in order to protect the state constitutional system; analyzes the innovations and changes in the legislation of the Russian Federation restricting the freedom of speech, assessing their influence on the public and political life, the civil society development and media activity. The author analyzes the concept of extremism and the disposition of the anti-extremist provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the elements of administrative offenses related to them.

Keywords: *freedom of speech, extremism, constitutional rights, constitutional order, Internet, mass media.*

References

1. *Evropa povtorno prizvala Rossiyu peresmotret opredelenie ekstremizma* // [Europe has again called Russia to reconsider the definition of extremism] *Elektronnoe periodicheskoe izdanie "Vedomosti" [Electronic periodical "Vedomosti"]*. Available at: www.vedomosti.ru/politics/news/2016/06/07/643889-evropa-prizvala-peresmotret-opredelenie-ekstremizma.
2. Zorkin V. D. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow, 2011, 720 p.
3. Kibalnik A., Solomonenko I. "Ekstremistskoe" huliganstvo – nonsens ugolovnogo zakona ["Extremist" rowdyism – the nonsense of the criminal law]. *Zakonnost' [Legal order]*, 2008, no. 4, pp. 21–23. (in Russ.)
4. Naumov A. V. [Criminal-legal fight against crimes based on racial, national, religious and other hatred in the USA: experience of legislation and law enforcement agencies (comparative legal study)]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2009, no. 4, pp. 97–100. (in Russ.)
5. *Putin podpisal zakon o vnesudebnoy blokirovke ekstremistskih saytov* [Putin signed the law on extra-judicial blocking of extremist websites]. Network publication KM.RU. Available at: www.km.ru/v-rossii/2013/12/30/vladimir-putin/729095-putin-podpisal-zakon-o-vnesudebnoi-blokirovke-ekstremistsk.
6. *Ekstremizm do stepeni smesheniya* [Extremism to the degree of confusion] // *Gazeta.ru*. Available at: www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml.

Lev Mihailovich Bolshakov – postgraduate student of the Department of Theory of State and Law, constitutional and administrative law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: levbolshakov74@gmail.com.

References 15 December 2017.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Большаков, Л. М. Пределы ограничения свободы слова в целях защиты конституционного строя / Л. М. Большаков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 67–72. DOI: 10.14529/law180111.

FOR CITATION

Bolshakov L. M. Limits of speech freedom restriction for the protection of the constitutional system. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 67–72. (in Russ.) DOI: 10.14529/law180111.